

Арон Липовецкий

Перейти реку

Книга стихов

Арон Липовецкий
Перейти реку. Книга стихов

«Издательские решения»

Липовецкий А.

Перейти реку. Книга стихов / А. Липовецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935801-1

Свободный стих, которым в основном написана книга, предлагает читателю «взглянуть на мир со всех шести сторон». Попробуйте вдохнуть воздух поэзии и самой реальности под разными ракурсами, «под пристальными взглядами из темной глубины окон».

ISBN 978-5-44-935801-1

© Липовецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Спасибо, нет	6
«мой дядюшка лёнчик...»	7
Традиция	8
Если бы Шапиро*	9
«вольтерово точка...»	11
Из неиз-дававшегося каммингса	12
1	13
2	14
3	15
4	16
5	17
6	18
7	19
«дождь на краю...»	20
Хлеб	21
Книжный магазин	22
Коды	23
Обожать Уругвай	24
Спам	25
Шарф голубой	26
Резолюция памяти	27
«Перед прыжком с дерева на балкон...»	29
Отрез черного панбархата	30
Лопухи	32
По дороге к себе	33
Знал я одного	34
Моя бабушка	35
Зонт	36
Последняя правка	37
Моя тетя	38
«Собираясь в кино...»	39
Продавец воздуха	40
Вместо светской беседы	41
«Почему здесь? Неужто...»	42
Лента новостей	44
Тель Авив	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Перейти реку Книга стихов

Арон Липовецкий

Взгляни на мир со всех шести сторон
Андрей Сергеев

© Арон Липовецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-5801-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо, нет

«МОЙ ДЯДЮШКА ЛЁНЧИК...»

мой дядюшка лёнчик
свое навывброс дарил мне
учил и наказывал
что задарма – это

дорого гильден
и кранц дружили
со мной оба
цепные гэбные

сексоты не быть мне
карлом брюлло
– вым разделся догола
на границе покинутой
родины где мне

было набраться смелости
кутался флейтой
в бумажки и книжки
оставляя даром
чтобы петь на морозе

Традиция

Социум баранов,
прыгающих через веревочку,
которую давно убрали.

Если бы Шапиро*

Скажем прямо
без аллюзий
и реминисценций:
– Если бы Шапиро
был из России
и писал бы по-русски,
его никто не пустил
бы в Хайдарабад.
А, если бы по ошибке
его включили в делегацию,
как представителя
Урала, Сибири и Дальнего Востока,
одного на сорок
преданных партии поэтов
из Москвы и Ленинграда,
то он читал бы свои переводы
какого-нибудь
нацменовского эпоса,
слепленного по требованиям,
глав- или обллита.
Ему некого было бы
почитать в Хайдарабаде,
чтобы услышать в ответ:
– Разве это стихи?

**Карл Шапиро (амер. поэт, 1913 – 2000)
«Разве это стихи?»*

*В Хайдарабаде, городе мраморных зданий,
В мраморном университете
Времен низама, я читал верлибры
Уильяма Карлоса Уильямса, американца.
На что интеллигентные мусульмане
Сказали: «Разве это стихи?
По-вашему, это стихи?»
Я сам писал стихи, что угождали
Культурным мусульманам и индусам
Крепким, добротным пятистопным ямбом
С умеренным количеством инверсий,
Стихи холодные, гладкие, как кубики льда,
С множеством разных аллюзий и реминисценций*

Перевод Владимира Британишского

«ВОЛЬТЕРОВО ТОЧКА...»

вольтерово *точка*
право
у каждого
нынче есть
сморозить
свое мнение
и насмерть
зрения стоять
за него
виртуально
танцуй
себе соло
ни за что
не уступая
ни за что
не отвечая

Из неиз-дававшегося каммингса

ИЗ
НЕИЗ-
ДАВАВШЕГОСЯ
КАММИНГСА

Евгению Пейсаховичу

1

был мне сон,
будто сидим мы
с камми
нгсом
у него в кухне
кухня-то его но точь-в-точь
как моя
и свет только в ней.
а дверь в кухню
(стеклянная)
справа от меня
и эдварду эстлину
из-за буфета
не видна
он мне стихи читает
(я их все переписал)
и вдруг как гаркнет:
– кто это на тебя
из коридора
смотрит?

я стал его успокаивать
но не оглядываюсь
а он опять и опять кричит
я не выдерживаю
и оборачиваюсь на дверь
и мысль у меня сквозь сон:
так вот почему ты
такие стихи пишешь.
с тех пор я иногда резко
оглядываюсь:
нет ли кого?

2

(в большущем доме
большущего города
посредине большущего мира
сидя за маленьким столом
я разрезал маленьким ножом
большущее яблоко
и увидел как маленький червяк
прогрызает в нем свой извилистый путь
) чтобы выжить

3

чтотоизм

все подл (инн) ые
национальные интересы
блюдутся только в Москве
но и у провинции
есть средства воздействия

такие мысли приходят
в очереди
за непотопляемой колбасой
в промежутке
между посещением главка
и правильной клиники
(да. в)
этом мире
можно
(чтотоизм)
снить

4

давай-давай
сашуля
смелей
сначала аккуратно поддень ногтем
потом просунь палец поглубже
и все
дело сделано
еще одна одежка
содрана с луковицы
растолстевшей
за все времена
всех народов

давай-давай
сашуля
не робей
шансы твои все растут
только не подавай виду
когда доберешься
до пустоты
в сердцевине

5

полнокровную жизнь
полную смысла
исполню на площади
в костюме советского инженера
половинкой лица
с похотливо
ползающей улыбкой
завидуя
другой половиной
плохонькому полену
которому выпало
задарма
 всей плотью
отплыть по волне
отвалить куда попало

6

) и убеждаешься
под микроскопом
припав всем телом
что у человекoв с утра
две руки и две ноги
(осторожно: обнаженка
как сладко тешить себя мыслью
о принадлежности к науке
и
упои
тельно
при
лнуть дабы
бы
ть
неподвижным относительно
предмета наблюдений
улетая вместе
кончили
ты тоже не можешь пошевелиться
ради науки
мы обессилены
и забыли о судьбах
цивилизации
как ты и сказала»
пусть катится
в тар
тар
ар
Ы

7

обгоревшую спичку
брось в урну
если есть
или урони на пол
если невежлив
а нет так засунь
снизу в коробок
если не набито этим
как там его
битком
погоди вот докурю
и все изложу

обгоревшую спичку
можно подбрасывать
и ловить на лету
и она обязательно упадет на пол
так что с самого начала
надо иметь это
как там его
в виду
уже уже начинаю

обгоревшую спичку
можно подержать в зубах
если нечего сказать
а потом бросить на пол
как там его
в сердцах
ты зря убегаешь
я как раз начал

1981 г.

«ДОЖДЬ НА КРАЮ...»

дождь на краю
земли израиля
шумит монотонно
одинаково всюду
размывает границы
мест и лет
под этот шумок
хокингово
время-подросток
косит и смывает
скошенное
в абсолютную
канализацию

Хлеб

Возле хлебных
нищих больше,
нет их возле ювелирных.
Подаю и подают.
Потому что сдача – мелочь?
Надышавшись ситным духом,
Утонув рукой в ржаном.

Книжный магазин

В «Политической книге»,
куда никто не заходил от нечего делать
даже в зимние холода,
я покупал сочинения с названиями типа
«Израильские агрессоры – угроза миру».
Я не искал среди казенной риторики
живое слово или намек и повод домыслить.
Я находил там фотографии
танка «Меркава» или самолета «Лави».
Этих машин войны можно было
коснуться взглядом,
или провести пальцами
по мелованной бумаге,
или приблизить их к глазам,
чтобы ничего больше не видеть
и раствориться в пространстве снимка.

Коды

эта сенильная старуха
не помнит ветошь
кода входного замка
на слух
дергает и дергает внуков
открыть ей подъезд

написали ей код
на лучшем из мест
на руке на белой полоске
с которой удален
лагерный номер
каждый день
уходит гулять бабушка
много часов не лень
с адресом в кармане
если заблудится
гуляет по городу
ребенок
между бараками
куда захочет
забыть забыть
закодированное
до свистка
со своими

Обожать Уругвай

– Они обожают Уругвай!
Выяснилось, что он давно когда-то
перевез жену и дочерей в Штаты.
Он так о них и сказал:
– Они обожают! Обожают Уругвай!

Вдруг выяснилось, что есть люди,
которые обожают Уругвай.
А я пропустил.
Не подумал о них ни разу в жизни,
не попытался их понять.
И как это я не брал в расчет?
Можно обожать и Уругвай!

Даже не обязательно там родиться.
Вот бы на минуту попробовать
обожать Уругвай.
Как же должна перекопиться психика,
чтобы полюбить Уругвай?
Вот бы такое пережить.

Может это уложится
в моей израильской башке,
пока я стою в пробке на Бейт Дагане:
– Некоторые обожают Уругвай!

Спам

Дениска, с которым мы делили
третье место в стиле баттерфляй,
теперь стал китайцем Деннисом,
расколдовал букву
и пишет из Шанхая
как сильно упали цены
на его сварочные электроды.
Для меня особые скидки.

Шарф голубой
(семейная сага)

Резолюция памяти

На картах Гугла
я нашел спутниковое фото
села, бывшего местечка,
где жила отцовская семья.
Увеличивая зум, можно увидеть
крыши домов, дворы,
огороды, даже заборы.
Но уже нет там того дома,
куда занесли перед смертью
моего деда,
избитого погромщиками.
Гугл еще не умеет
увеличивать резолюцию времени.
Не найти и того плетня,
где «перекликнулось эхо с подпаском»,
у которого присел по нужде
семилетний мальчик.
Не услышать, как у самого его горла
свистнула казацкая сабля.
То ли камень на дороге чуть качнул коня,
то ли пьяный парубок
замешкался с ударом:
– Уу, жидёнок, – дыхнул перегаром.
И мой будущий папа
остался жив.
Гугл еще не умеет передавать
шумы, отголоски, запахи.
Всматриваюсь в село
на месте бывшего штетла,
различаю мельчайшие детали.
Гугл еще не повышает
резолюции памяти.
Пытаюсь угадать,
где был их дом,
в том местечке,
которое спас мой дед
жертвоприношением
самого себя.
Где его старший сын Хаим
набирал воду в реке
выше по течению.
По каким улицам села
развозил ее,
зарабатывал на ужин.
У Гугла нет

**СПУТНИКОВЫХ СНИМКОВ
ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ.**

«Перед прыжком с дерева на балкон...»

Перед прыжком с дерева на балкон
я наконец услышал, что сказал отец:
– Рядом ограбят квартиру
и кто-то укажет на тебя:
– Этот влезал на балкон.
Кому будет дело, что ты потерял ключи?

Откуда папа знал об этом?
Цвела ли черемуха его свиданий
той дождливой ночью,
по которой раскатился воровской свист?

Иду домой по своей улице
под пристальными взглядами
из темной глубины окон.

Отрез черного панбархата

Все-таки Гита сунула его в багаж
и привезла в Израиль.
На кой ляд он был ей здесь?
Было не до него:
новая страна, переезды,
старая мебель,
полузнакомые лица,
полувоенная взвесь новостей.
Ткань слежалась, потеряла вид.
После ее похорон отрез выбросили.
Только смерть разлучила их.
Тогда и припомнили,
что Гита все время
хотела подарить
этот отрез.

Последние раза два
внучке, «гласность – перестройка – ускорение»,
«я так хочу быть с тобой»,
секретарше в кооперативе.
А до этого невестке,
«экономика должна быть экономной»,
«tombe la neige»*,
аспирантке без второго ребенка.
Но сначала дочери Асе, в оттепель,
«на новые земли едемте с нами!»,
«я дежурный по апрелю»,
на поступление в столичный пед.
Подарить она хотела
в особый момент
для такой роскоши.
Но так и не подарила,
не случилось.

И как передалась ей
мамина вера, что вот-вот
и такое снова будут носить.
Январские окна были обметаны снегом,
где-то у соседей
«стаканчики граненые упали со стола».
– Это тебе подарок
на рождение Асечки,
отрез черного панбархата.
Вернешься в Краснодар,
похудеешь, спортсменка моя,

и сошьешь у хорошего портного.
– Спасибо, какой красивый.
Можно, мам, я оставлю его у вас,
истреплется ведь по гарнизонам?
Не хотела расстраивать маму,
промолчала, что на дворе уже 41-й,
«широка страна моя родная,
много в ней лесов, полей и рек»
– Ну, какой панбархат, мам?

А черный панбархат
все играл у нее на руках
все манил переливами,
соблазнял мягким узором,
обещал прильнуть к телу.
– Как ты захочешь, Гиточка.
Такой длинный, на платье в пол.
Никто так и не узнал,
как он, оставленный в Москве,
оберегал тебя
на оккупированном
Северном Кавказе.
Это он касался твоих ног
там, в подвале,
где ты мочилась, стоя,
все полтора года.
Молчи, ни слова об Асечке.

«Мне на полу стаканчиков
Разбитых не собрать,
И некому тоски своей
И горя рассказать.»

**tombe la neige —падает снег, франц., из песни Сальваторе Адамо*

Лопухи

Мама печет пироги,
Пахнет ванилью и сдобой.
И, примостившись удобней,
Прячу свои синяки.
Возле жестяной духовки
Мама гусиным крылом
Мажет листы и сноровка
Кажется мне колдовством.
Все отчужденно, как будто
Я ни при чем здесь ни капли.
Летом безмолвьем обуто,
Кухня – лишь сцена в спектакле.
В следующем действии топот
Детских сандалий по полу
И по скрипучим ступеням.
Соседский сдержанный шепот:
– Шуму... об эту-то пору, —
И лопухи по коленям.
И доносящийся окрик,
Чуть-чуть истошный, надсадный,
Рассчитан на непослушанье.
Порожек вымытый мокрый,
Ни суеты, ни досады,
Ни цепей обладанья.

По дороге к себе

Вчера моя мама
ставила мне в пример
своего соседа
(тесть устроил ему степень),
который никогда не ругается
со своей женой.

Сегодня моя мама
ставит мне в пример
бывшего мужа моей двоюродной сестры
(отсудил у нее квартиру в Москве),
который никогда не ходит
по дому босым.

Как обычно, моя мама
ставит мне кого-то в пример
(очередной откровенный мальчик),
а я медленно привыкаю к мысли,
что придется тащиться
домой к жене
через весь город
в мокром ботинке.

Знал я одного

Знал я одного старого большевика.
Он понятия не имел о
«Столовой старых большевиков».

– Гегемоны совсем оборзели,
работают только по субботам
за двойную оплату,
– говорил я ему неизвестно зачем.
– Не открывай пасть на рабочий класс!
– срывался он в ответ.
– В деревне народа совсем не осталось,
кто не сбежал, спился или помер,
– продолжал я.
– Опять «голосов» наслушался?
– Нет, были вчера на картошке.
– Не болтай, дурак,
и за меньшее расстреливали!
– он поправлял зубной протез,
слетевший от ярости.

– Да ладно, пап, проскочим,
– отвечал ему я и оставлял
на табуретке сумку с продуктами,
купленными по талонам
для инвалидов войны.
– Я захлопну дверь, не вставай,
– говорил я, уходя.
– Да уж, доверяй таким,
– и ковылял со своей палкой
приобнять меня в дверях.

Моя бабушка

Моя бабушка не пугала
меня своим идишем.
Моя бабушка не впихивала
в меня мерзкую кашу.
Моя бабушка не шептала
родителям, что я курю.
Она не уцелела

Зонт

Знаю я, знаю, сынок.
В этом доме желтеют фотографии
«когда-ты-был-маленьким».

Здесь всегда найдется
«что-нибудь-вкусненькое»

И твои лишние вещи
«могут-иногда-понадобиться».

Ты вылутился из этой скорлупы,
застарела пыль в ее трещинах,
и пересохла плацента.

И лучше отзвякать своим ключом,
когда родителей нет дома,
чтобы без ворчливых назиданий.

Не морочь мне голову,
что «ты-спешил-а-потом-забыл».

Просто верни мне зонт.
На завтра обещают дожди.

Последняя правка

Его сын сразу после похорон
улетел обратно к себе.
Богадельне он ответил по мылу:
– Можете выбросить все это.
Даже не спросил, что осталось:
сгнивший крой на яловые сапоги,
пиджаки с дырками для орденов
распавшейся страны,
нестоптанные выходные туфли,
набор инструментов в шкафу.
Ну и откровенный хлам:
белье, одежда, посуда,
авторучки, письма,
поблекшие фотографии,
полдюжины книг, испорченных
автографами и пометками,
на столе неразборчивая рукопись
воспоминаний,
страниц двести.
Последняя правка
сделана накануне.

Моя тетя

Моя тетя
последние двадцать лет
не читает книг.
Бойтся умереть,
так и не узнав,
чем все это кончилось.

1981 г.

«Собираясь в кино...»

Собираясь в кино,
моя прелесть,
все проверь еще раз,
не забудь
взять помаду с расческой,
деньги, ключ от квартиры,
свой платочек,
чтоб вволю поплакать
над доподлинной
дамой с камелиями
и, конечно,
свою неизменную
пару свежих морковок,
пару первых июньских морковок:
погрызть за здоровье
свое и нашей
будущей малышки.

Продавец воздуха

Вместо светской беседы

Непогода наша – хамсин в июле,
залипает плевра на клохтанье фибр.
Но, покуда Арава не распишет пулю,
ты подсел на рифму, упустив верлибр.

И поманит рвануть на дачу к сестрам,
покопаться в сухарнице старожилом,
по Москве за поджаристой коркой черствой,
да хоть в Петербург за рыбьим жиром.

Но очнешься на ощупь в набухшей ночи,
где стрекочет, где учит не обознаться,
где звездою трассирующей пророчит
то ли их калаш, то ли М-16.

«Почему здесь? Неужто...»

*«Но если спросят: „Зуся, почему ты не был Зусей?“, – на это
ответа у меня не будет»*

Рабби Зуся из Аниполи

Почему здесь? Неужто
от Рейкьявика, кудль его,
и до Окленда, «да и так сойдет»,
не нашлось прохладней места,
просторней места?
Кого ищешь ты
в старом Яффо
среди гаражей
и антикварных лавок,
среди пафосных офисов
по ремонту
выброшенных стиралок?
Неужели мои
тирские полушекели
находят в Америке?
Воистину велики финикийцы,
корабелы и мореходы.
Но зачем ты тащил
из Цинциннати
свой любимый
кадиллак Эльдорадо?
Я нашел бы тебе,
ну да,
здесь не хуже
со всеми лошадьми и поршнями.
Когда надоест мне твой квест,
надоест чеканить подлинные
свои финикийские финансы,
я выйду, Шмуэль, навстречу твоей
разболтанной задымленной коробке.
– Кто тут ищет Джонни? – спрошу тебя.
– Сегодня Джонни – это я.
И не спрашивай,
почему, Зуся,
ты не был Джонни?
Что за кардио шумы в моторе, старче?
Что за античный гевалт ты поднял,
Мелк, в нашем Карте?
Сегодня Джонни – это я,
черный эритреец.
Сегодня я помазан быть Джонни,

о котором сказали тебе:
он лучший механик,
он лучший гаражник в Яффо.

Лента новостей

Отчет минфина
о доходах населения,
графики с ростом цен,
предупреждения
о загрязнении моря
или опасных продуктах.
Фото плачущих жен,
избитых мужьями,
разбитый в драке прилавок.

И вдруг перевернет
широкая улыбка,
или спокойное благодушие
молодых счастливых лиц,
в колонках о гибели
на службе или в терактах.

Тель Авив

Не знаю, что пришло тогда тебе в голову,
но искаженное телефонным эхом-криком
оно было выплеснуто мне в уши какой-то фразой
«она никогда не приедет» или «она решила не ехать».
Оглохший, я вышел из пассажа на Дизенгоф,
и вдруг оказалось,
что вечер очень душный
и у меня бездна пустого времени.
Через маленькую вечность
я зацепился за какое-то кафе на Бен Иуде,
где долго катал-во-рту, растирал-пальцами кофе-пиво-салфетки.
Нет бы поразмыслить под левантийскую музыку
с чего бы это (страхи твои? квартира? а, может быть, дети? мама?),
но в мозгу ерничала-звенела комариком другая
совсем-между-нами потеря-нелепица,
«невермор-невермор каркнул ворон за бугор...»
Потом у моря было шумно,
оно трепалось без умолку
во влажной наощупь темноте.
А Тель Авив уже набросил фиолетовые тени
на торопливую застройку прибрежных улиц,
не штукатуренных со времен мандата.
Бросая бананово – лимонные корки и кокакольные банки
в пахучие мусорники умершего на ночь рынка Кармель,
он уходил от быстро остывающего пляжа,
оставляя меня в колючем песке посреди
никогда.
Совсем ночью заскочил Яшка,
у которого я снимал комнату,
пока он приживал санитаром у больного старика.
– Ты знаешь, случилось несчастье, – начал он.
– Неужели еще и твой старикан умер? – удивился я своей трезвой
догадке.
– А вот и ошибаешься, он выздоровел и теперь будет обходиться
без меня..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.